

Улочка извилиста и крута. Ее выдающая виды брусчатка берет разгон от пятиглавого воздушно-ажурного каменного дива — Андреевской церкви, стремительно кружит по наклонной мимо давних построек и, плавно затормозив, упирается в серые громады домов Контрактовой площади на Подоле.

УЛОЧКА как улочка, и вряд ли бы мы выделили ее сегодня среди десятков похожих спусков и старых уголков вечного города, если бы не выделенный известной двухэтажный домик, приткнувшийся вплотную к почти отвесному пригорку. Домик этот не простой, а «постройки изумительной». Если подняться по горке в крохотный дворик, то второй этаж становится первым и о всамделишном, фасадном первом напоминает лишь искусно вырытое углубление, обнесенное оградкой и обложенное внутри кирпичом, со ступеньками вниз.

Этот вот первый со дворика этаж и сделал улочку знаменитой. Здесь, в семи некогда «пыльных и полных комнатах», жил Мастер со своей многочисленной и шумной родней, ставшей известной всему миру как семья Турбиных.

Дом был прекрасен и тем, что, взобравшись из дворика на горку, можно было часами наблюдать за ледоходом на Днепре, белыми пароходами с праздными людьми на палубах, слушать крики чаек, любоваться бескрайними далами и ощущать за собой дыхание древнего города. А еще с горки видны были сады — трепетный, волшебный мираж в белой дымке. И было их так много, «как ни в одном городе мира». Булгаков любил Киев так нежно и страстно, какой бывает только первая, светлая любовь. Чувство это уже не смогли затмить самые прекрасные города и экзотические уголки на земле. «Ах, какие звезды на Украине. Вот семь лет почти живу в Москве, а все-таки тянет меня на родину. Сердце щемит, хочется иногда мучительно в поезд... и туда. Опять увидеть обрывы, занесенные снегом, Днепр... Нет красивее города на свете, чем Киев».

Сегодня весь дом пахнет известкой, краской, струганым деревом. Только что закончен его ремонт и реконструкция. Накануне я видел, с каким прилежанием клали паркет бригадир С. Здрак, плотники К. Саханович, В. Самойленко, подправляли стены и потолки девчата-штукатуры из реставрационных мастерских. Они знали, чей это дом, и торопились завершить работы ко дню столетия Мастера. Ибо сами были мастерами. Получилось на славу. Как будто и не промчался над домом ураганный двадцатый век. Крыша, сияющая оцинкованным железом, вымощен-

ная белым кирпичом дорожка отдают новизной и добротностью. В комнатах же все осталось по-прежнему. Голландский изразец хоть сейчас может разогреться и слушать «Саардамского плотника», в спальне Елены мяг-

ра, музыка, выставки картин художников сделают музей действующим, а не застывшим памятником с непуганой тишиной и вековой захлабленностью.

Его Город, всегда прелестный и приветливый, как и люди, живущие в нем, с благодарностью и благоговением чтут своего талантливое земляка. На улице Воздвиженской, где родился Мастер, расположился Киевский музей интерьерера. Дом в Куд-

полемика вокруг открытия музея Булгакова на Андреевском спуске. «Неужели это случится: откроют музей в доме того, кто в 1918 году командовал расстрелом студенческой демонстрации, того, кто лично из револьвера стрелял в Александра Довженко? Неужели это случится? Неужели мы лишились чувства стыда и совести?» — спрашивал киевский прозаик С. Плачинда в третьем номере «Недели» за 1988 год. На

бревнами золотистого жира висели балыки, орлами и пятаками точено сверкали бутылки прекрасного вина «Абрау». В собраниях и присутственных местах блистали эполетами кавалергарды и гусары, манили прохожих зеркала салонов вроде «Парижского шика» мадам Анжу, и франты толпились у гостиницы «Роза Стамбула». Вечерами господ офицеры, всякого рода статские и прочие советники, богема раз-

ший коней Мышлаевскому, а потом бросившийся в ноги с покаянием, загнусаивший мальчишка с газетами, истошно воющая рыжая пасть в бороде дворника, пытавшегося схватить Николку... Все это есть. Но Булгаков, эта глыбца мировой величины, не мог не видеть и не понять народного гнева. Он сочувствовал народу, он сумел разглядеть и корни ненависти простых людей к немцам, «офицерне», господам. Это и удары немецких стевов по лицам, шомполы гетманских сердюков, издевательства, реквизированные лошади и отобранный хлеб. Мужики ненавидели гетмана, им нужна была земля — своя земля, где «все говорят на украинском языке, все любят свою Украину волшебную, воображаемую, без панов, без офицеров-москалей...». Из этой материи и соткался «корявый мужичонков гнев» да и сам мужичонка с великой дубиной в руке, «без которой не обходится никакое начинание на Руси». Из нее же появились полковники Бовботун, Козырь и Торопец, сотник Галаньба, все многотысячное мужицкое войско.

«Велик был и страшен год по рождеству Христовом 1918, но 1919 был его страшней». Булгаков не принял и Октябрьскую революцию. «У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем все на свете. У нас — Троцкий», — восклицал автор «Белой гвардии», сравнивая его с ликом сатаны. «Вот головушка горькая у украинских мужиков! Ниоткуда нет спасения!!» Мог ли так сказать ненавистник украинского народа? Вряд ли. Более того, Булгаков честно констатировал механизм смены власти, расстановку сил на Украине.

Не нужно торопиться с обвинениями в адрес художника. Уверен, его проза еще не раз будет переосмысливаться, толковаться, и каждая эпоха найдет в ней, что ищет. Прочитаем и мы завещание Мастера. Социальные преобразования неминуемы, они сумеют надуманные, искусственные постройки, идущие не от жизни, а от лукавого, только не надо крови.

«Заплатит ли кто-нибудь за кровь?»

Нет. Никто. Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... выйдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет. Никто».

Георгий ДОЛЖЕНКО.
[Наш соб. корр.]
КИЕВ.

На снимках: М. А. Булгаков, 1909 г.; дом на Андреевском спуске сегодня.

К 100-летию со дня рождения Мастера

ЗАВЕЩАНИЕ БУЛГАКОВА

ко горит зеленая лампа, на тумбе красного дерева бронзовые пастушки на фронтоне часов готовы каждые восемь раз в сутки играть гавот, а из столовой вторить им башенным боем черные стены. Здесь та же мебель старого красного бархата, кровати с блестящими шпичками, потертые ковры.

— Мы попытались прилизить к максимальному сходству быт и обстановку в семьях Булгаковых и Турбиных. Очень помогли нам живущая в Новосибирске племянница И. Карум, москвички и тоже племянницы В. Светлаева и Е. Земская. Кое-что мы приобрели у друзей Михаила Афанасьевича, — рассказывает заведующий музеем А. Кончаковский. — Каждый этаж несет свои нагрузки: на первом расположенная выставка, второй станет мемориальным. Но самое главное: литературные вече-

рявском переулке, где он также жил, восстанавливается и переоборудуется под библиотеку с его именем. Студенты университета и пединститута навещают на Байковом кладбище: сажают цветы, красят ограду, поддерживают в порядке могилы, где под черным мраморным крестом лежат его отец Афанасий Иванович и мама Варвара Михайловна... Но гложет, гложет меня червь сомнения. Наверное, был бы я трижды не прав, если бы оставил юбилейный небосклон ясно-голубым, без единой тучки. Есть они, эти тучки. А сгущается облака начали еще при жизни Мастера. В двадцатых годах ряд украинских писателей выступил против некоторых моментов в его творчестве, потом та же история повторилась в семидесятых.

Помню, года два назад в газетах разгорелась жаркая

днях я позвонил Сергею Петровичу, справился о той публикации — ведь после нее были гневные опровержения, сомнения в достоверности фактов и источников. «Я остаюсь при своем мнении», — ответил он, — и к этой теме возвращаться больше не желаю». Надо сказать, Булгаков воспринимает сдержанно, а то и с откровенной неприязнью немалая часть украинской интеллигенции. В ночь с шестого на седьмое ноября прошлого года памятную доску на его доме залили смолой. Недавно там же написали: «Булгаков никогда не любил украинский народ». Здесь я готов поспорить.

Давайте припомним, каким было то время, в какой среде жил Булгаков. Хотя бы по «Белой гвардии». О многочисленных комнатах и их «начинке» я уже говорил. Еще? «В окнах магазинов мохнатились цветочные леса,

влекались в клубы с нежными щебетуньями за столами, сервированными черепаховыми деликатесами, лабарданом, турецкими сливками, отваром трюфелей, заморской дичью, устрицами... «...Город проснулся сияющий, как жемчужина в бирюзе, и солнце выкатилось освещать царство гетмана...».

И вдруг все это рухнуло. В город пришла сила несметная петлюровцев. Воспитанный в духе преданности царю и отечеству, на Валуевском циркуляре и эмской инструкции, запретивших украинский язык и литературному употреблению, стоя гораздо выше простого люда на социальной лестнице, Булгаков просто не мог воспринять их. Для него Украина всегда была частью империи.

Да, неприязнь Булгакова проскальзывает в мимолетных, колких штрихах, хлестких картинках: дед, не дав-